

НАТАЛЬЯ КОНСТАНТИНОВНА ГУСЕВА

соискатель кафедры общего языкознания филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7668-7214; nkonstguseva@gmail.com

ОСНОВНЫЕ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ АДРЕСАТА В ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

А н н о т а ц и я . Вопрос о социальной категоризации адресата в побудительных высказываниях русского языка является частным аспектом более общей проблемы коммуникативных стратегий и тактик побуждения в разных лингвокультурах и связанных с ними вопросов категоризации окружающей действительности. Предметом исследования в настоящей статье являются средства социального дейксиса в глагольных побудительных высказываниях русского языка. В силу своих ярко выраженных конативной и фатической функций императивная форма русского глагола указывает на относительный или абсолютный социальный статус адресата – это так называемые обращения на «ты» и на «Вы», что ставит грамматическое лицо в ряд грамматикализованных средств социального дейксиса. Неличная форма глагола также может служить средством социальной категоризации адресата по причине ее традиционного использования в ситуациях, предполагающих жесткую социально-психологическую иерархию. Кроме названных грамматических средств в русских побудительных высказываниях встречаются лексические средства социального дейксиса. Грамматикализованные и лексические средства социального дейксиса могут комбинироваться в высказываниях, их употребление может быть маркированным и немаркированным. В статье предлагается новая организация категории социального дейксиса в русском языке в побудительных высказываниях на основе интегративного коммуникативно-деятельностного подхода, что позволяет использовать материалы и результаты исследования при подготовке теоретических и практических курсов по коммуникативной грамматике русского языка как иностранного. Этноспецифичность рассматриваемого вопроса обуславливает практическую значимость исследования: некоторые языковые категории проявляют большую по сравнению с другими связь между культурными ценностями, социальной иерархией в обществе и их концептуализацией в языке, и умение верно употреблять их лежит в основе коммуникативной компетенции индивида.

Ключевые слова: социальный дейксис, русские побудительные высказывания, средства социальной категоризации, языковые категории, императивная форма глагола

Для цитирования: Гусева Н. К. Основные и дополнительные средства социальной категоризации адресата в побудительных высказываниях русского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 52–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.567

ВВЕДЕНИЕ

Категоризация – это одновременно процесс, результат и один из основных инструментов познания мира [7: 40]. Категории, как формы отражения внешнего и внутреннего мира индивида, фундаментальны для распознавания, дифференциации и интерпретации объектов окружающего мира как отдельно, так и в их взаимодействии.

В когнитивистике второй половины XX века научный интерес в изучении категоризации как когнитивной деятельности человека сместился с ее объекта на субъект, в результате чего

категории стали рассматриваться как культуроспецифичные конвенции отдельного социума. В современной парадигме социально-гуманитарных наук вопросы социальной категоризации активно изучаются в самых различных аспектах – от ее онтогенеза и роли социальных категорий как в восприятии «другого», так и в формировании стереотипов в отдельных лингвокультурах до кодификации социального статуса адресата в синтаксисе и проявления категориальной деятельности в социальных категориях как индексальных элементах. В современной лингвистике

языковые категории понимаются как «определенная форма или способ представления знаний на мыслительном или языковом уровне» [3: 5].

Когнитивная психология рассматривает категоризацию как базовый акт, тесно связанный с языком и отражающий социокультурный опыт индивида. В процессе порождения любого речевого высказывания его элементы отражают не только референтное значение, но и социально-контекстное. Психолингвистический анализ процесса порождения высказывания считается недействительным, если в нем не учитывается «ситуация общения, мотивы говорящего, содержание информации, отношение к ней слушающего и т. д.» [9: 198]. Связь высказывания с контекстом и физическими координатами коммуникативного акта реализуется в дейксисе. В понятие дейксиса традиционно включаются персональный, временной и пространственный дейксис, но некоторые авторы, начиная с Ч. Дж. Филлмора (C. J. Fillmore), выделяют социальный дейксис в самостоятельную единицу дейктической категории.

С. Левинсон (Stephen C. Levinson) к средствам социального дейксиса относит те языковые структуры, в которых кодифицируются социальные характеристики личностей участников интеракции или социальные отношения между ними [19: 89]. Дейктическая информация в естественных языках бывает двух видов: относительная и абсолютная (в терминологии В. И. Карасика – реляционное и субстанциональное измерение [8: 9]). В первом случае дейктическим центром выступает говорящий, который определяет социальный статус других людей относительно своего собственного, исходя из субъективного восприятия объективной реальности. Абсолютный социальный дейксис указывает на социальные признаки референта независимо от его отношений с говорящим [18: 207]. Субстанциональные характеристики социального статуса индивида исторически и этнографически изменчивы [8: 10].

Ч. Дж. Филлмор определяет социальный дейксис как отражение той или иной социальной ситуации, в которой происходит речевой акт [15: 75]. Социально значимая информация может кодифицироваться на разных уровнях языковой системы: на интонационном уровне; в личных и притяжательных местоимениях (например, в английском и других европейских языках); в различных стилях речи – простой, вежливый, гоноративный и почтительный (например, в некоторых языках Восточной Азии); на морфологическом уровне (в японском языке гоноратив-

ные формы образуются при помощи суффикса); в формальных различиях высказываний, зависящих от определенных характеристик участников речевой интеракции (например, в языке билокси (язык американских индейцев) существуют специализированные императивные формы, употребляемые участниками речевого акта в зависимости от их биологического рода и возраста: при обращении мужчины к старшему мужчине, женщины к старшему мужчине или при обращении любого человека, вне зависимости от его пола, к старшей женщине или к ребенку); в именах, титулах, терминах родства, отражающих отношения между говорящим, адресатом, слушающим и третьим лицом; в инвективах, приветствиях и выражениях благодарности; в интонации; в личных глагольных формах (см. также [8: 7]).

Для современного этапа развития лингвистики характерен интерес к вопросам строения концептуальной системы индивида, а также роли языковых форм в концептуализации действительности и передачи в процессе коммуникации объективных и субъективных результатов познания. Под субъективными результатами подразумеваются различные типы оценок и мнений. Использование языковых средств для осмысления окружающей действительности неразрывно связано с интерпретацией оценочных субъективных смыслов, которая в свою очередь опосредована языком и объективируется языковыми формами [4: 6]. Средства социального дейксиса, являясь элементами социальных категорий, транслируют как индивидуальные, так и конвенциональные установки и оценки индивида, поскольку социальная категоризация отличается от других форм категоризации прежде всего включенностью субъекта речи в саму категорию [20: 556].

ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом исследования в настоящей статье являются средства социального дейксиса в побудительных высказываниях русского языка, содержащих императивную или иную форму глагола. Разноуровневые языковые средства социальной категоризации, выполняющие сходные семантические функции, группируются в виде поля с центром и периферией. В целях установления основных (центральных) и дополнительных (периферийных) языковых средств социального дейксиса в побудительных высказываниях анализ языковых средств проводится в рамках интегративного коммуникативно-деятельностного подхода к языку. Метод семантико-прагматического и коммуникативного анализа позволяет

определить специфику прагматических факторов употребления этих средств в русской лингвокультуре. Последующее применение функционального метода выявляет функциональную значимость исследуемых языковых единиц и позволяет сгруппировать языковые средства социальной категоризации в соответствии с функциональным (полевым) подходом к трактовке языковых категорий в лингвистике¹.

Научная новизна исследования заключается в новой организации категории социального дейксиса в русском языке, позволяющей использовать материалы и результаты исследования при подготовке теоретических и практических курсов по грамматике русского языка как иностранного. Практическая значимость обусловлена этноспецифичностью рассматриваемого вопроса: некоторые языковые категории проявляют большую по сравнению с другими связь между культурными ценностями, социальной иерархией в обществе и их концептуализацией в языке [12: 1]. Культурные ценности и понятия кодифицируются в грамматической семантике, в ней же содержится ключ к пониманию социальной структуры общества в ее синхроническом и диахроническом аспектах [14: 3]. Побудительные высказывания как с прототипическим императивом, так и неимперативными глагольными формами особенно информативны в этом плане: их узус формируется в отдельных лингвокультурах на основе социальных конвенций и норм, принятых в социуме [12: 1]. Знание этих норм формирует коммуникативную компетенцию иностранного учащегося, понимаемую как

«способность средствами иностранного языка осуществлять речевую деятельность на основе языковых, социолингвистических знаний в соответствии с целями, задачами и ситуацией общения» [2: 154].

СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА

Социальная категоризация, предпринимаемая говорящим, связана с оценкой статусных признаков человека как представителя той или иной социальной группы. Социально-психологическим основанием статусной оценки являются ожидания [8: 70]. Наше представление о людях включает в себя знание об их социальном статусе, на основании этого знания мы можем прогнозировать типовое поведение человека, имеющего тот или иной социальный статус. В случае с побудительными высказываниями не только верное определение социального статуса адресата, но и его соответствующее языковое оформление обуславливает перлокутивный эффект. Кроме того, относительный или абсо-

лютный социальный статус адресата определяет стратегии и тактики говорящего в зависимости от стоящей перед ним цели.

Статус адресата оценивается на основе различных параметров, в научной литературе выделяются такие, как власть и солидарность [13], уважение и дистанция [21], превосходство [22]. Эти параметры в свою очередь определяются следующими факторами:

- авторитет или социальное главенство, обусловленные социальными или профессиональными ролями, а также экономическим превосходством;
- возраст;
- превосходство в отдельно взятой ситуации, например, хозяин дома, принимающий гостей;
- контроль и управление поведением других.

Названные факторы могут исключать друг друга. Например, значимость социальной роли может не соответствовать возрасту и вызывать затруднение в выборе языкового средства, указывающего на статус человека. Основными средствами социального дейксиса выступают личные местоимения и личные формы глагола [10: 11–12]. Все вышеприведенные параметры легко находят свое выражение в русской лингвокультуре в оппозиции личных местоимений *ты* и *Вы*²: к старшим по возрасту, званию, должности, к незнакомым людям и т. д. принято обращаться на *Вы*; при обращении к равным по статусу знакомым людям, в кругу семьи и друзей употребляется *ты*. Хотя, для параметра дистанции / близости характерна неоднородность членов оппозиция. Понятие близости между коммуникантами более однозначно, в то время как дистанция может проявляться как между совсем незнакомыми коммуникантами, так и между знакомыми, но на основе особых уважительных отношений. Иными словами, близость всегда находит свое выражение в *ты*, а дистанция может выражаться как в *ты*, так и в *Вы*.

ГРАММАТИКАЛИЗОВАННЫЕ СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА

Личные формы глагола, тесно связанные с личными местоимениями, особенно ярко проявляют свой дейктический характер в императивных высказываниях по причине необлигаторности и редукции подлежащего при императивной форме глагола. В этом случае целесообразно говорить о грамматическом лице как средстве социального дейксиса. Русская императивная парадигма включает в себя все грамматические лица³, однако не все они несут в себе социально значимую информацию.

Рассмотрим простейшие примеры побудительного высказывания:

(я)	<i>Дай-ка спою!</i>	(мы)	<i>Споем! / Давайте споем!</i>
(ты)	<i>Спой!</i>	(вы, Вы)	<i>Спойте!</i>
(он, она)	<i>Пусть споет!</i>	(они)	<i>Пусть споют!</i>

Когда побуждение обращено к самому себе, грамматическое лицо объединяет в себе каузатора и исполнителя каузируемого действия. Социальная категоризация говорящего производится не иначе, как самим говорящим, и не может быть выражена посредством грамматического лица – местоимение *я* не несет в себе никакой социально значимой информации. Об актуализированном социальном статусе говорящего речь идет только в случае употребления множественного числа: *мы pluralis majestatis* или инклюзивного *мы* (выражение солидарности). Первое несет в себе имплицитное выражение статусной дистанции со слушающими, относится к определенному историческому контексту и в современном русском языке не является репрезентативным. Второе выражает солидарность и означает, что говорящий (каузатор действия) отождествляет себя с исполнителем каузируемого действия, хотя и не предполагает быть исполнителем.

Обращение во втором лице (прототипический императив) неизбежно отразит относительный или абсолютный статус адресата. В этом случае лицо, к которому обращена каузация, объединяет две коммуникативные роли – исполнителя каузируемого действия и слушателя. При обращении к одному человеку этикетные нормы русского языка предполагают выбор между 2Sg (обращение на *ты*) и 2Pl (обращение на *Вы*).

При указании на третье лицо говорящий не может обозначить его социальный статус или идентичность при помощи 3Sg или 3Pl, но только посредством адрессивов (*господин, профессор* и т. п.) или гоноративов (в русской языковой культуре это название по имени и отчеству; определенные лексемы, при обращении добавляемые к имени собственному, например *(много)уважаемый*).

Как уже отмечалось выше, кроме рассмотренных форм 2Sg и 2Pl в число средств маркирования социального статуса коммуникантов некоторые исследователи включают *мы* инклюзивное (1Pl), маркирующее более высокий статус говорящего, выражающее солидарность с адресатом или проявление власти со стороны говорящего [1: 153]: *Поднимем руки!* (при врачебном осмотре); *Работаем, работаем!* (сам говорящий не работает).

На основании вышесказанного можно утверждать, что социальный дейксис побудительного высказывания, выражаемый посредством грам-

матического лица императивной формы, включает в себя только категоризацию говорящего и слушающего – это второе лицо единственного и множественного числа и первое лицо множественного числа.

Грамматикализованные средства социального дейксиса С. Левинсон относит к основным [19: 89]. Способность русской императивной словоформы указывать на относительный социальный статус адресата ставит ее в ряд основных средств.

Если говорящий намерен употребить императивную форму глагола, то первым шагом будет определение статуса адресата / исполнителя (категоризация) и актуализация этого статуса языковыми средствами. Говорящий неизбежно окажется перед выбором грамматического лица. При обращении к одному человеку возможны два варианта:

1) – *Через неделю вернусь, не переживай, что со мной может случиться!* (Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004))⁴;

2) – *Подождите, Нина Михайловна, подождите! Давайте хоть взглянем для начала!* (А. Волос. Недвижимость (2000)).

Очевидно, что в (1) говорящий обращается к адресату на *ты*, а в (2) – на *Вы*. Ю. Д. Апресян выделяет семь употреблений местоимения 2-го лица ед. ч., а следовательно, и императивной формы с редуцированным подлежащим: 1) *ты* близкое; 2) *ты* родственное; 3) *ты* детское; 4) *ты* старшее; 5) *ты* хамское; 6) *ты* панибратское; 7) *ты* внедиалоговое (при обращении к «абстрактному» человеку) [1: 152]. Все они указывают на статус адресата. В (2) статус адресата актуализируется не только глагольной формой, но и сочетанием имени и отчества, которое в русском языке само по себе является средством выражения социальных отношений между говорящим и адресатом и традиционно указывает на более высокий статус адресата или социальную дистанцию.

В русском языке некоторая социальная дифференциация возможна и при обращении ко множественному адресату:

3) *Никто не отозвался. – Врачи, хирурги, выходи! Снова тишина.* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 2 (1960));

4) – *Ребята! Берите яблоки, берите груши! Тут так много!* (В. Астафьев. Обертон (1995–1996)).

По поводу императивных глагольных форм при обращении ко множественному адресату в русском языке Н. С. Трубецкой в письме к Р. О. Якобсону замечал, что выбор этих форм зависит от того, как рассматривается множество – «как дифференцированный коллектив или как коллектив недифференцированный» [17: 224]. Первый случай соответствует примеру (3),

второй – примеру (4). Б. А. Успенский считает обращение ко множеству адресатов с императивной формой в единственном числе явлением обратным обращению к одному адресату в 2РІ (возвеличивание собеседника) и возможным только в том случае, когда группа лиц занимает зависимое положение (умаление собеседника) [10: 26]. Такое явление наблюдается, например, в военных командах: *Стой! Разойдись!*

В побудительных высказываниях с редуцированным подлежащим могут употребляться глагольные формы, отличные от императивных. Это могут быть формы инфинитива:

5) – *Не беспокоить!* – по селектору приказывал я секретарше в приемной. (Ю. Поляков. Небо падших (2009));

или индикатива прошедшего или настоящего времени:

6) – *Ты у меня вспомнишь, чего и не помнил! Пошел, я сказал! Вперед!* (А. Слаповский. Синдром Феникса (2006));

7) – *Итак, ты сегодня под утро бежишь, оставляешь записку, что все в бригаде Мозгуна нехорошие люди.* (Н. Кочин. Парни (2014)).

Хотя инфинитив не согласуется с грамматическим лицом, совершенно очевидно, что в (5) говорящий определяет свой статус выше статуса адресата. В (6) форма прошедшего времени согласуется с биологическим родом адресата и числом – грубое категорическое побуждение обращено к мужчине. В (7) говорящий выступает как вышестоящий по статусу и содержанием его высказывания является приказ. Высказывания (5)–(6) соответствуют второму лицу единственного числа (обращение на *ты*) и не могут предполагать обращения на *Вы*. В (7) сама глагольная форма указывает на 2Sg. Кроме указания на социальный статус адресата формы инфинитива и прошедшего времени увеличивают категоричность побуждения. Категоричность ориентирована на перлокутивный эффект. Основная цель говорящего в побудительном высказывании – это каузация какого-либо действия, и категоричность, выражаемая языковыми средствами, выступает дополнительной интенцией говорящего добиться безоговорочного исполнения требуемого действия посредством указания на подчиненный статус адресата.

В устной коммуникации, когда участники интеракции четко определены, инфинитив воспринимается как безоговорочный приказ, характерный прежде всего для ситуаций с жесткой иерархией, и является выражением власти, что совершенно очевидно в (5). В письменной речи инфинитив часто встречается в инструкциях, рецептах и правилах техники безопасности, но в этом

случае на первый план выходит иная функция инфинитива – обезличивание адресата.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА

Джон Дж. Гумперц (John J. Gumperz) подразделяет коммуникативные ситуации на транзакционные (transactional) и личные (personal) [16: 149]. В транзакционных ситуациях на первый план выходят статусно-ролевые отношения коммуникантов, когда участники выступают в интеракции соответственно правам и обязанностям своих статусов⁵. К средствам социального дейксиса в транзакционных ситуациях, таким образом, относятся все имена нарицательные, обозначающие социальные роли. В кругу близких людей это термины родства *мама, сынок, бабушка* и т. д., в сфере официальных отношений – *господин директор, товарищи солдаты, граждане судьи*. Отметим, что в отличие от многих европейских языков в русском в качестве апеллятивов не употребляются названия должностей, ученых степеней или профессий.

В личных интеракциях субъекты действуют как индивиды и не преследуют особых социально детерминированных целей⁶ [16: 149]. Средства социального дейксиса в личном диалоге ограничиваются личными местоимениями, метафорическими диминутивами типа *зайчик, кошечка* и именами собственными, то есть теми средствами, которые не обозначают социальных ролей.

Ситуация в (2) представляется транзакционной. Однако имя и отчество в сочетании с императивной формой второго лица единственного числа не всегда указывает на такие отношения. Главным показателем статуса или наличия дистанции остается императивная форма глагола:

8) – *Ты, Николай Степанович, ступай прямо в них в парилку.* (Г. Горин. Сауна (1974–1984)).

В (8) второе лицо единственного числа указывает на близость говорящего и адресата, а имя в сочетании с отчеством лишь подчеркивает доверительный характер взаимодействия, несмотря на наличие определенной дистанции, скорее всего возрастной. Ситуация представляет собой личную интеракцию.

Как уже отмечалось, лексические средства социальной категоризации не ограничиваются именем в сочетании с отчеством и включают в себя такие статусные показатели, как термины родства, названия должностей, ученые степени и т. п. Для обращения к соотечественникам в официальной обстановке чаще всего используется имя в сочетании с отчеством по причине трудной приживаемости апеллятивов *господин* и *госпожа*, а также ярко выраженной связи

апеллятива *товарищ* с эгалитарной идеологией советского прошлого, которая утратила свою актуальность в современном мире. Этикетные апеллятивы типа *товарищ*, *господин* обычно сочетаются с фамилией или названием должности и, что совершенно очевидно, используются в транзакционных ситуациях:

9) – *Извольте, я предоставлю вам этот шанс... Товарищ Раппопорт, введите арестованного!..* (С. Довлатов. Заповедник (1983));

10) – *Да ведь, по сути, – они по сравнению с ним ликбезовцы! Ваше время истекло, товарищ Крымов, катись.* (В. Гроссман. Жизнь и судьбы, часть 1 (1960));

11) – *Ну, ну – господин Козлов, почувствуй, какво без первого помощника, попробуй сам урезонь рвачей...* (О. Глушкин. Последний рейс (1990–1999));

12) – *Господин Путилин, поставьте себя на мое место.* (Л. Юзефович. Князь ветра (2001)).

В некоторых узкопрофессиональных контекстах возможен также редкий случай употребления апеллятивов-титлов:

13) – *Слушай, доктор, дай курнуть, сил уж нет терпеть!* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013));

14) – *Профессор, спасите нашу девочку, озолотим, век ваши должники!* (Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)).

Как видно из примеров (9)–(12) и (13)–(14), лексические средства социального дейксиса в транзакционных ситуациях не влияют на выбор императивной формы и при обращении к одному адресату допускают как единственное число, так и множественное (этикетную форму). Независимость глагольной императивной формы от лексических средств социального дейксиса подтверждает первичность грамматического лица в процессе языковой социальной категоризации адресата.

В личных интеракциях могут использоваться как имена собственные, так и метафорические диминутивы. При обращении по имени говорящий может употребить имя в сочетании с отчеством, как в (5), либо без него, либо использовать уменьшительное имя.

15) – *Вы, Сережа, осваивайтесь тут, фотографии смотрите – в этой древней кладовке много занимательного, есть кое-что и любопытное.* (В. Астафьев. Обертон (1995–1996));

16) – *Звони, Саша, в Москву, а я обзову наших ребят.* (В. Астафьев. Затеси (1999));

17) – *Ах, не буду вам мешать! Димочка, расскази же Сереже!.. – Да.* (А. Волос. Недвижимость (2000));

18) – *Кларочка, принесите, пожалуйста, археологическую карту Алма-Атинской области, – попросил Зыбин очень ласково. – Я ее у вас тогда оставил на столе.* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978));

19) – *Да ты спи, касаточка, спи... Беспечальному сердечку-то сон сладок...* (М. Палей. Дань саламандре (2008)).

Полное имя собственное без отчества как средство социального дейксиса в (15)–(16) не влияет на выбор императивной формы. Употребление диминутива имени собственного (17)–(18) позволяет употреблять как единственное, так и множественное число императивной формы. Таким образом, имя собственное с отчеством (2) и (8), без отчества (15)–(16) или его диминутивная форма (17)–(18) сочетается с обеими императивными формами как в транзакционной, так и в личной ситуации. Сочетание имени и отчества со вторым лицом множественного числа (2) и имени без отчества (16), в том числе диминутива (17), со вторым лицом единственного числа считаются традиционными в русской лингвокультуре и немаркированными, а случаи сочетания имени и отчества со вторым лицом единственного числа (8) и имени без отчества – со вторым лицом множественного числа (15), в том числе диминутива (18), являются маркированными. Маркированность последних заключается в уменьшении социальной дистанции, выражаемой глагольной формой, и указывает на транзакционность ситуации, в которой на первый план выступают статусно-ролевые отношения.

Употребление метафорического диминутива (19) как маркера близких социально-психологических отношений или родства обязывает к употреблению единственного числа императивной формы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Средства социального дейксиса подразделяются на основные и дополнительные. В побудительных высказываниях к основным относятся грамматикализованные средства, то есть те, которые актуализируют статусно-ролевые отношения говорящего и адресата посредством грамматических форм. Это императивные формы глаголов второго лица единственного и множественного числа и первого лица множественного числа. При обращении к одному лицу собственно императивные формы второго лица позволяют дифференцировать адресата в зависимости от социально-психологической дистанции или состояния превосходства или власти, существующих между говорящим и адресатом. Первое лицо множественного числа, используемое в побудительных предложениях, может рассматриваться как средство, сокращающее эту дистанцию в силу его инклюзивного характера. Неимперативные глагольные формы являются социально маркированными: говорящий занимает более высокое положение и содержанием волеизъявления является приказ.

Лексические средства социальной категоризации, прежде всего именные, относятся к дополнительным. Немаркированными являются сочетание имени и отчества со вторым лицом

множественного числа и сочетание иных видов имен собственных со вторым лицом единственного числа. Обратные сочетания отличаются маркированностью, которая заключается

в уменьшении социально-психологической дистанции, выражаемой глагольной формой, и указывает на транзакционность ситуации со статусно-ролевыми отношениями на первом плане.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О теории функционально-семантических категорий/полей см.: [5]; Бондарко А. В. Система времен русского глагола: (В связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1968. 36 с.
- ² Здесь мы придерживаемся написания местоимения Вы с прописной буквы согласно правилам русской орфографии и для различения обращений в единственном числе и во множественном (см.: Правила русской орфографии и пунктуации: [полный академический справочник] / Российская акад. наук, Отд-ние историко-филологических наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова; [Н. С. Валгина и др.]. М.: Эксмо, 2007. 478 с.).
- ³ Описание состава русской императивной парадигмы не входит в задачу настоящего исследования, за основу берется точка зрения, согласно которой допускается наличие в императивной парадигме всех возможных лично-числовых комбинаций [6: 27], [11: 123].
- ⁴ Источниками примеров послужили произведения русскоязычных авторов, размещенные в Национальном корпусе русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>).
- ⁵ ...participants [...] suspend their individuality in order to act out the rights and obligations of relevant statuses [16: 149].
- ⁶ ...in personal interaction [...] participants act as individuals, rather than for the sake of specific social tasks [16: 149].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Балыхина Т. М. Словарь терминов и понятий текстологии // Тестирование в обучении русскому языку как иностранному: современное состояние и перспективы: Научно-методические очерки. Терминологический словарь. М.: Московский государственный университет печати, 2003. С. 135–212.
3. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2 (7). Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация когнитологов», 2006. С. 5–22.
4. Болдырев Н. Н., Панасенко Л. А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2 (035). С. 5–12.
5. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
6. Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 336 с.
7. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 286 с.
8. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК Гнозис, 2002. 333 с.
9. Лурья А. Р. Язык и сознание. М., 1979. 317 с.
10. Успенский Б. А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2011. 344 с.
11. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
12. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (Eds.). Commands: A cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2017. 328 p.
13. Brown R., Gilman A. The pronouns of power and solidarity // Sebeok T. A. (Ed.). Style in language. Cambridge, Mass: MIT Press, 1960. P. 253–276.
14. Enfield N. J. Ethnosyntax: introduction // Enfield N. J. (Ed.). Ethnosyntax: Explorations in grammar and culture. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 3–30.
15. Fillmore C. J. Santa Cruz lectures on deixis. Bloomington, Indiana: Indiana University Linguistic Club, 1975. 86 p.
16. Gumperz J. J. Linguistic and social interaction in two communities // American Anthropologist. 1964. Vol. 66 (6). P. 137–153.
17. Jakobson R. N. S. Trubetzkoy's letters and notes. Prepared for publication by Roman Jakobson with the assistance of H. Baran, O. Ronen, and Martha Taylor. The Hague, Paris: Mouton, 1975. xxiii, 508 p.
18. Levinson S. C. Pragmatics and social deixis // Proceeding of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. 1979. P. 206–223.
19. Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge University Press, 1983. 483 p.
20. Liberman Z., Woodward A. L., Kinzler K. D. The origins of social categorization // Trends in cognitive sciences. 2017. July 21 (7). P. 556–568.
21. Molinelli P. "Lei non sa chi sono io!": potere, solidarietà, rispetto e distanza nella comunicazione // Linguistica e Filologia. 2002. Vol. 14. P. 283–302.
22. Rauch G. Aspects of deixis // Essays on deixis. G. Rauch (Ed.). Tübingen: Narr, 1983. P. 9–60.

Поступила в редакцию 17.06.2020; принята к публикации 30.09.2020

Original article

Natalya K. Guseva, Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7668-7214; nkonstguseva@gmail.com

PRIMARY AND SECONDARY MEANS FOR THE SOCIAL CATEGORIZATION OF ADDRESSEE IN RUSSIAN IMPERATIVE STATEMENTS

Abstract. The issue of the social categorization of the addressee in imperative statements is a constituent question of the larger problem of communicative imperative strategies and tactics in different linguistic cultures. The subject of the research is the means of social deixis in Russian imperative statements. Imperative forms of Russian verbs can reveal relative or absolute social status of the addressee due to their strongly marked conative and phatic functions. This refers to informal and formal address pronouns – or so-called “T and V forms of address”. The capacity of a verb to indicate the social status of the addressee, the psychological or social distance between the speaker and the hearer makes it one of the grammaticalized means of social deixis. Impersonal verbal form can also be an instrument of the social categorization of the addressee because of its primary perlocutive effect and its traditional use in the situations that presuppose a strict hierarchy and therefore social and psychological distance between the addresser and the addressee. Apart from the said grammatical means, the Russian imperative statements may contain lexical means of social deixis. Both grammar and lexical means can be combined in the statements, and their use can be marked or unmarked. The article proposes a new organization of the social deixis category in the verbal imperative statements of the Russian language on the basis on the integrative communicative approach. This enables to use the research materials and results in the preparation of theoretical and practical courses on communicative grammar of Russian as a foreign language. The ethno-specificity of the issue determines the practical significance of the study: some linguistic categories show a greater connection between cultural values, social hierarchy in society, and their conceptualization in language than others, and the ability to use them correctly underlies the communicative competence of an individual.

Key words: social deixis, Russian imperative statements, means of social categorization, language categories, imperative verb

For citation: Guseva, N. K. Primary and secondary means for the social categorization of addressee in Russian imperative statements. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):52–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.567

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. Selected works. Vol. II. Integral description of the language and systemic lexicography. Moscow, 1995. 767 p. (In Russ.)
2. Balyhina, T. M. Dictionary of textology terms and concepts. *Language testing in foreign language teaching: current status and challenges: Research and methodological papers. Dictionary of terms*. Moscow, 2003. P. 135–212. (In Russ.)
3. Boldyrev, N. N. Language categories as a format of knowledge. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2006;2(7):5–22. (In Russ.)
4. Boldyrev, N. N., Panasenkov, L. A. Cognitive grounds of lexical categories and their interpretative potential. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2013;2(035):5–12. (In Russ.)
5. Bondarko, A. V. Functional grammar. Leningrad, 1984. 136 p. (In Russ.)
6. Gusev, V. Yu. Typology of imperatives. Moscow, 2013. 336 p. (In Russ.)
7. Dzyuba, E. V. Linguo-cognitive categorization in Russian linguistic consciousness. Ekaterinburg, 2015. 286 p. (In Russ.)
8. Karasik, V. I. The language of social status. Moscow, 2002. 333 p. (In Russ.)
9. Luria, A. R. Language and consciousness. Moscow, 1979. 317 p. (In Russ.)
10. Uspenskiy, B. A. Ego Loquens: Language and communication space. Moscow, 2011. 344 p. (In Russ.)
11. Hrakovskiy, V. S., Volodin, A. P. Semantics and typology of imperatives. Russian imperative. Moscow, 2002. 272 p. (In Russ.)
12. Aikhenvald, A. Y., Dixon, R. M. W. (Eds.). Commands: A cross-linguistic typology. Oxford, 2017. 328 p.
13. Brown, R., Gilman, A. The pronouns of power and solidarity. *Sebeok, T. A. (Ed.). Style in language*. Cambridge, Mass, 1960. P. 253–276.
14. Enfield, N. J. Ethnosyntax: introduction. *Enfield N. J. (Ed.). Ethnosyntax: Explorations in grammar and culture*. Oxford, 2004. P. 3–30.
15. Fillmore, C. J. Santa Cruz lectures on deixis. Bloomington, Indiana, 1975. 86 p.
16. Gumperz, J. J. Linguistic and social interaction in two communities. *American Anthropologist*. 1964;66(6):137–153.
17. Jakobson, R. N. S. Trubetzkoy's letters and notes. Prepared for publication by Roman Jakobson with the assistance of H. Baran, O. Ronen, and Martha Taylor. The Hague, Paris: Mouton, 1975. xxiii, 508 p.
18. Levinson, S. C. Pragmatics and social deixis. *Proceeding of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. 1979. P. 206–223
19. Levinson, S. C. Pragmatics. Cambridge University Press, 1983. 483 p.
20. Liberman, Z., Woodward, A. L., Kinzler, K. D. The origins of social categorization. *Trends in Cognitive Sciences*. 2017;7:556–568.
21. Molinelli, P. “Lei non sa chi sono io!”: potere, solidarietà, rispetto e distanza nella comunicazione. *Linguistica e Filologia*. 2002. Vol. 14. P. 283–302.
22. Rauch, G. Aspects of deixis. *Essays on deixis*. G. Rauch (Ed.). Tübingen, 1983. P. 9–60.

Received: 17 June, 2020; accepted: 30 September, 2020